

Где-то на условной территории Империи.

— Хух, — тяжело выдохнул один из внештатных членов Союза Докеров, Стив Стил, вытирая трудовой пот после разбора завалов, которые устроили эти три дегенерата. Устроили тут, видите ли, междусобойчик с применением кейп-сил, а в результате два здания порушили так, что проще снести старые и построить новые. Да, дороже выйдет (как по технике, так и по материалам и рабочим часам), зато крепче и не развалится от малейшего удара.

К сожалению, гандоны из властей выделили средства только на ремонт, отбиваясь от мистера Эберта уже набившей всем оскомину фразой «Денег нет!». По-хорошему стоило бы тому же нацисту с крючьями позволить всё доломать, чтобы мэр вынужден был выделить бюджет на строительство новых зданий, но герои в этот раз проявили недюжинные сноровку и усердие, будто за ними сама директор СКП с ножом и вилкой стояла, прикидывая, от кого бы отхватить первый кусочек на обед. В результате кейпы Протектората изменили своей традиции и прибыли не после боя, как обычно, записать последствия да поспрашивать свидетелей (если таковые еще живы), а прямо во время боя. Они Ли, каким бы шахидом ни был, умел расставлять приоритеты, а потому предпочел слинять, пока не запахло совсем уж жареным, после чего отстоявший свою территорию волк из лезвий тоже ушел. В результате герои повязали только Алебастра, но Стив был уверен, что ненадолго. За все тридцать шесть лет его жизни в Броктон-Бей герои сделали прискорбно мало, а потому, по его мнению, звать столь громким словом не имели права. Но как обычно в таких случаях, пиар-машина властей работала лучше тех, кого она обеспечивает. По крайней мере, Стив был свято уверен, что уже через неделю, максимум две, СКП «потеряет» Алебастра. Снова. Пугающие тенденции к тому, что герои ловили злодеев лишь для того, чтобы те снова и снова сбегали из тюрьмы, в этом городе были доведены до абсурда.

— И не говори, — буркнул стоящий рядом действительный член Союза Клайв Джонсон, вытирая трудовой пот висящим на шее полотенцем.

Теоретически, на выделенном участке он работал один — но по факту работы было столько, что выполнить её было невозможно, и это понимали. Поэтому часть работы сваливалась на чернорабочих, получающих черную же зарплату — без налогов и прочей социальщины. Особую пикантность сложившейся ситуации придавал тот факт, что получающий белую зарплату Клайв в молодости был ярым сторонником Империи 88. Считал, что таким способом сможет защитить жену и сына от попустительства властей и разгула банд. Помогал бить черных, выбивал азиатов за пределы территории, принадлежащей нацистам, выполнял роль полиция, пока не осознал, что вместо борьбы с преступностью помогает перераспределять сферы влияния банд. С женой окончательно разругался, после чего та, бросив его с сыном, исчезла в неведомых далях. С докерами репутация держится на последнем волоске, а азиаты спят и видят, как бы его прирезать. Впрочем, как и большую половину всей Империи. По крайней мере, не бомжует, как Стив и не побирается, как часть его ещё более незадачливых товарищей как из докеров, так и из банды.

Чернозарплатник Стив же был представителем рода, смешавшего в себе чуть ли не десяток народов с цветом кожи от ирландской белизны до абиссинской мглы — даже фамилию его пращур выбрал в память о сталелитейных мастерских, в которых вкалывал до освобождения. Ещё четыре года назад он входил в профсоюз, но получил травму руки и работать как раньше не смог. Нет, саму руку вылечила Панацея, но с фантомными болями и периодически возникающими судорогами сделать ничего не смогла. Что не помешало страховой снизить выплаты до минимума: рука-то здорова!

— Теперь-то ты можешь сказать, что тебе потребовалось спросить наедине? — поинтересовался

Клайв.

— Мне нужен контакт в Империи. Такой, что не кинет. — Пробормотал Стив.

— Где вы пересеклись-то? Я могу попытаться тебя отмазать, но мне нужны подробности. И гарантий никаких.

— Ты не понял, у меня нет неприятностей с восьмёрками. В смысле, особых. Просто есть дело на двадцать тысяч: пять тебе, пятнадцать... — Стив осёкся и уставился на руку Клайва, вцепившуюся в воротник куртки.

— Стив, скажи, что мне послышалось, и ты не собираешься заложить этим преступникам долбаную супергероиню.

— Прикинь, деньги очень нужны. Вопрос жизни и смерти. — Стив поглядел в глаза собеседника. — Не, если у тебя на примете есть верное дело на двенадцать кусков — я готов вписаться хоть сейчас, но... — он развёл руками.

— У меня три, блять, возражения и один вопрос, и я задам его сначала: что помешает мне рассказать о нашей беседе цветной части нашего дружного коллектива и пустить тебя поплавать в море с камнем и цепями?

— Не смейся, Клайв, большая часть коллектива перед моей смертью будет выпытывать всё, что я знаю об Азуре, и побежит её закладывать с поросычьим визгом. А помешает тебе контейнер с ботинками, из-под которого я тебя, бухого придурка, вытолкнул одиннадцать лет назад. Как ты там говорил? Что-то про долг жизни, чести... я уже плохо помню.

— Сука ты, Стив. — Джонсон выпустил воротник и стал оттирать руку полотенцем. — Ну хорошо, я никому ничего не скажу, но, блять, тебе от самого себя блевать не хочется? Это грёбаная героиня, она закатала Толкача, Крига, Цикаду, толпу человеческих отбросов, она лечила людей в госпитале с Панацеей — а ты её продаёшь, как... как...

— Как товар, стоящий двадцать штук. Клайв, она уже труп! мертвец! Ты же вырос в нашем долбаном городе, герои тут не выживают! Вспомни, сколько их было, и где они теперь! Пузырь, Чечётка, Француз, Молчунья... они сдохли! Волна сидит в центре богатейского квартала, выходит чисто посююкать над младенчиками на камеру и не рыпается на злодеев вообще. Только Барби ломает нормальных уродов, а Панацея их лечит. Ты понимаешь, что единственный способ попасть на лечение к Панацее для наших — это отсосать кейпу и словить пиздюлей от Оружейника. Я знаю лично, в лицо одного урода, которого Азура вылечила. Сначала отмудохала — а потом вылечила! Сидит сейчас на хате и ждёт, когда её замочат, чтобы найти нового хозяина. Каждый десятый бомж в доках её материт, потому что наркота подорожала. Не исчезла, а подорожала! — Стив постепенно повышал голос. — А главное, что уже всё: была у нас вторая Панацея и не будет! Лишняя! Кайзер её замочит, как Флёр замочил, и открестится точно так же, а я хочу съебать отсюда! — чернорабочий закашлялся.

Теперь уже Клайв пятился от наступающего на него Стива, а тот продолжал даже не кричать, а надсадно хрипеть. — Ты знаешь, от чего дохнут бомжи, Клайв? Не от кейпов, не от банд, даже не от наркоты — они дохнут от простуды и прочей холеры! Я посадил горло и здоровье, пальцы ломит, я не переживу следующую зиму, Клайв! Три, мать их, синих трупа за неделю! И до неё, и после! Сюда может Зион верхом на кошке прилететь, и ни хрена не поменяется! Денег не будет, работы не будет, ни хрена не будет! Из наших на улице три года смогли прожить только я и Нортон, остальные или сдохли, или сбежали. А мне бежать некуда: родня или мудаки, или бедняки. А на пятнадцать штук я знаю, где устроиться, понимаешь? Добраться до места,

проставиться. Там вообще нет снега. Ты представить себе не можешь, как я ненавижу снег, Клайв.

— Истерику прекрати! — докер перестал отступать и скрестил на груди руки, — хрен с ней, с суммой, ты реально думаешь, что я пойду к Кайзеру и скажу: «Вот тебе Азура, делай с ней, что хочешь»? Я не для того резался с каннибалами и ходил в рейды на отморозков Марки, чтобы продавать людей бандитам. Азура медик, кретин, подкати к ней и попроси подлечиться. А про Империю забудь, такого, как ты, они кинут из принципа, ну и деньги нелишние.

— Не работает больше в больничке твоя Азура. Зассала она связываться с Империей! Понимаешь, зассала! К тому же к ней очередь уже на месяцы вперед расписана, я просто не доживу до лечения! А даже если случится чудо и доживу, то что изменится? Через месяц-другой я снова заболею, а денег на лекарства как не было, так и не будет! Этот город обречен, понимаешь, Клайв! Он, сука, обречен! Помнишь, блять, Дэвида? Рослый такой детина, правильный был, не хотел грабить до последнего... и где он теперь? Его нацисты на ремни порезали и собакам своим скормили! А Сэма помнишь? Он чтобы дочь прокормить пошел грабить, но его сначала свои кинули, а потом охрана Рынка так отмудохала, что костей целых не собрали. Он, блять, через неделю повесился, а дочь теперь на панели работает, шлюхой у тех, кто отца её и кинул! Этот город ломает всех. А если не ломает, то пережевывает и выплевывает ошметки, оставляя только трупы и опустившихся мразей вроде Толкача. Но что это мы всё про меня, Клайв? Ты думал, что с тобой, таким принципиальным, сделают, если у Азуры получится серьёзно врезать Кайзеру? Ты же тогда от Зубов пулю получил, а представляешь, что будет, если по старой памяти сюда наведается Мясник? Это мне, по сути, глубоко похрен, кто там главный капо, а тебя сдадут точно так же, как и макаронников Гальваната или подмаркизников. У тебя на семью из пяти человек две комнаты и две зарплаты, Клайв.

— А давай не будем про мою семью! — прорычал Джонсон.

— Ну хорошо, опять же про меня. Я-то найду, к кому пойти. Хотя бы к Марте Стражински.

— Она же не из наш... эээ...

— Клайв, кончай мямлить! Все, кто бухал с тобой, прекрасно знают, что ты до сих пор готов встать под знамёна Дождя или Чистоты, и ушел отнюдь не из-за идеологических разногласий. В Бостоне ты бы вылетел пулей, а тут, можно сказать, получше некоторых. А Марта уже полгода как убирается у того типа, который заведует собачьими боями у Волка. Ну там собачек покормить, пыль протереть, балдахин отполировать, если ты понимаешь о чём я. Вот там я сдохну пятьдесят на пятьдесят, — Клайв скептически хмыкнул, — а от тебя-то и требуется выйти на тех персонажей, которые на двадцать кусков внимания не обратят, и которым взять всем нам знакомую личность важнее, чем угробить очередного полукровку. И учти, что лёжка моя, конечно, на отшибе, но срисуют её по любому, а так ты получишь не только бабло, но и благодарность нескольких кейпов.

— Там не осталось никого вменяемого после смерти Герды и ухода Чистоты. Волк и его звери — чистые психи, Криг и Кайзер — грёбаные торгаши...

— А великанши? Ты же сам говорил, что был знаком с Гердой, а они точно её дочк... ххх... — Стив зацарапал правой рукой по полотенцу, захлестнувшему горло, судорожно трясая левой.

— Стив, не твоё собачье дело, что там было тогда с Гердой и близняшками! — сказал Клайв и отпустил полотенце, но вот взгляд остался острым и пронзительным, а тело будто пронзило

осознанием. — Ты же не хочешь, блять, сказать, что знаешь Азуру в гражданке?

— Именно это я и хочу сказать, — самодовольно осклабился Стив. — Не уверен, конечно, на сто процентов, но, прикинь, это дочурка нашего босса!

— Как, ради всего святого! как ты до этого дошел?

— Довольно просто, стоит отметить. Не понимаю, как еще раньше об этом никто не подумал? Но это неважно, мне же больше достанется. Так вот, я где-то с пару месяцев назад видел дочурку нашего босса: ничего примечательного, скажу я тебе, а тут прохожу мимо школы, где она учится, а там как раз уроки заканчиваются, и, глядь, она! Она домой идет, да такой кралей заделалась, что только у совсем уж конченого гея не встанет! Вот я и подумал, подозрительно это всё! Поспрашивал у знакомых мистера Эберта, свистнул у них пару фоток Тейлор, пока никто не видит, и только убедился в этом, — расплылся в пошловатой ухмылке Стив, вспоминая фотку «новой» Тейлор, не замечая того, как Клайв начал судорожно осматриваться. Эберта-старшего среди докеров любили. Трудно не любить того, кто в лепешку расшибется, но выбьет для тебя и твоих парней работу, а после проследит, чтобы не кинули, заплатив до последнего цента. И Стиву очень повезло, что он решил рассказать это всё ему, а не, допустим, Курту или ряду других докеров, иначе сломанными ногами точно не удалось бы отделаться. Или это всё был тонкий расчет?

— Не может эта дылда за два или сколько-то там месяцев стать красоткой, вот совсем не может, — тем временем вдохновенно вещал не замечающий извергающейся над головой бури Стив. — Мои знакомые лишь чуть краше обезьян, да и то не все, а шлюхи такие, что одним своим видом в депрессию вгоняют! В общем, решил узнать, чего так. Узнал, проникся: она не то пять, не то десять азиатов раскидала, а после с выходцами из Империи общаться начала. Не знаю, да и не моё это дело, у кого она там сосет за школой, но я подумал, что на этом можно заработать. Среди новых кейпов заявила о себе только Азура, и от этого стоит плясать. Кайзер даёт деньги за гражданскую личность девчонки, и я предоставляю её ему!

— Стив, ты совсем, сука, сбрендил на старости лет? — угрюмо спросил Клайв, уже разминая кулаки. — За дочкой нашего босса следишь, напраслину возводишь, а теперь еще и Кайзеру её хочешь сдать? Молись, чтобы этого Курт с ребятами не услышали, иначе вылетим из доков с переломанными ногами быстрее, чем успеем маму вспомнить.

— Харе тут из себя чистенького строить, Клайв, мы оба понимаем, что ты уже согласен, и то, что я тебе сказал про гражданку, ничего не поменяет. У тебя связи с Империей — у меня товар. Сдадим девчонку, получим бабки и разойдемся как в море корабли.

— Ладно, черт с тобой. Подходи завтра, и я дам тебе ответ. Мне всё равно надо будет узнать, кто ещё в деле и до кого можно достучаться. Сука, если бы я не был должен тебе жизнь...

— Приятно иметь дело с честным человеком, — просипел Стив и пошел к бригадиру. Джонсон проводил его взглядом и врезал со всей дури по бетонному блоку, стоящему рядом.

В это же время. Дэнни Эберт.

— Как же так? — находясь уже за пределами территории Империи, сидя в своей машине и потягивая горький кофе из дешевой забегаловки, но будто не ощущая его вкуса, протянул Дэнни, смотря в пустоту.

Горечь во рту и боль от сжатого добела кулака не могли перекрыть мерзкого, приторно сладкого, с нотками горечи вкуса предательства. Уже не первого на его счету, но от того не

менее болезненного. Он прекрасно понимал их: деньги всем нужны, но иные люди ради них не опускаются до предательства, даже не задумываясь о том, что будет с теми, кому они и нанесли удар в спину. Предательство Алана Барнса, что будто не обращал внимания на выходки своей дочери, он мог по старой памяти забыть. Забыть, но не простить, однако не покушение на кровиночку. Единственную дочь и живое напоминание о почившей Аннет. И ведь Дэнни вполне мог его пропустить, если бы не поинтересовался, кто это за Тейлор следит, а узнав, не стал следить в ответ. И куда больнее было от того, что он понимал их, и в иных обстоятельствах или для спасения дочери он, не задумываясь, тоже мог бы сдать героя. Доведенные до грани нищеты и отчаяния, люди ломаются, а на передний план выступает всё самое мерзкое, погрывая под собой иные достоинства человека.

Он видел это уже не один десяток раз, и каждый раз он чувствовал боль оттого, что не справился, подвел доверившихся ему людей. Однако вместе с болью в этот раз пришло не отчаяние, опутывающее его своими липкими щупальцами, а разгоняющий кровь гнев.

Он знал каждого из них уже добрый десяток лет. Он поверил Клайву, когда его коллеги заверяли, что тот покончил с криминалом. Он сам помогал искать Стиву лёжку, где его бы не прибили уже через неделю за неправильный цвет кожи или незнание японского. Он помогал им и многим другим докерам найти работу и тщательно следил, чтобы им заплатили все до последнего цента. Он защищал постепенно редющих докеров от постоянно наваливающихся форс-мажоров и первым принимал на себя удары с обеих сторон. Он судился с недобросовестными подрядчиками, выбивая положенную зарплату. Он помогал коллегам устанавливать порядки среди докеров и следить за территорией, выбивая самых оборзевших Барыг. Он держал шаткий Союз Докеров всё это время на плаву, в ущерб личной жизни и семье. И так его за всё это и многое другое отблагодарят? Плунут в душу и вытрут ноги, будто он безвольная тряпка? Тряпка не могла бы, по сути, возглавлять Союз Докеров, тряпка не могла отстаивать их интересы, тряпку бы не любила Аннет...

Одним глотком допив горький кофе и смяв в кулаке стаканчик, он с ненавистью смотрел налившимися кровью крысиными глазами на предателей. Пора выносить мусор, до которого никому не было дела уже столько времени. Вздохнув, временно подавив в себе вспышку гнева, Дэнни приказал крысам разделиться, следя сразу за двумя предателями, узнавая, как и с кем хотел связаться нацист, и только потом приступая к устранению. Одинокий Клайв, занятый своими тяжелыми мыслями, глухой переулочек, где никто не обратит внимания на крики, и целая стая плотоядных крыс. Идеальное сочетание. Один его приказ — и хвостатая волна накатила на Имперца со всех сторон, разрывая одежду и плоть, пока не остались лишь окровавленная мелочь в карманах и пряжка от ремня, которые крысы не смогли поглотить. Еще раз осмотрев место преступления, он приказал своим питомцам спустить всё, что осталось, в канализацию. Был Клайв — и нет больше его. Пропал он. Исчез, что в Доках с вероятностью близкой к ста процентам означает «труп». Иногда бывает весьма полезным, что полиция почти не бывает в этих районах. А вот Стив... Стиву повезло еще меньше. Его лежка всегда была на отшибе, что неоднократно спасало его от имперской гопоты, но сейчас станет последним пристанищем. Подчиняясь его команде, самые рослые и сильные крысы сбили метиса с ног, разрывая мышцы и связки на руках и ногах, одновременно с этим затыкая рот своими телами, после чего наступила вторая фаза. Оголодавшие крысы, словно дикие звери, набросились на обездвиженную добычу, разрывая плоть и медленно пожирая предателя заживо. Стив говорил, что не переживет этот год. Ну что же, он оказался прав, но не угадал причину смерти...